

ВИКТОР БОКИН

Е. Богданову

Но к сорока годам
 часы стучат не так.
Не так, как раньше.
 Что ж держать в секрете,
Что нет теперь привычного тик-так?
Обвал какой-то. Выгибает крепи.

Не труса празднуем.
 Не скачем по камням.
И, слушая свое большое тело,
Один спешит полней набить карман,
Другой неспешно продолжает дело.

Куда спешить? Незрелое не плод.
И даже слово, не созрев, — не слово.
Но мы пришли.
 Ведь был же наш приход!
И пот пролился, и земля готова...

ОТКЛОНЕНИЕ

И сделался я злым,
И сделался я зорким...
И поездом ночным
Я припадаю к сопкам.

И раздраженный взгляд
Не ищет утешенья.
И вот окурки смят,
Как смято отраженье.

Опущено стекло —
Ворвался вой и грохот!
Что было, что прошло —
Вселенский множит хохот.

Но влажный ветер мглы
Остуживает лоб мне.
Шлагбаумы, мосты
Как в скошенном бинокле.

И отсветы в полях,
И туч летящих звенья...
Летим... Пускай летят
постылые мгновенья.

О, только б тормоза
Не срезало на спуске...
И чтоб глаза в глаза!
По-нашенски. По-русски.

Все тянет в прошлое. Влечет,
как страстно верящего в Мекку.
Кто ж в будущее понесет
души нехитрую аптеку?

Привычно давши кругалю,
из прошлого вернемся дружно.
А здесь черным-черна земля...
И бинтовать уже не нужно!

ОТВЕТ

И песни дышали ревниво —
Гусары, драгуны, полки...
Любовь нас с тобой окрылила.
Война — подняла на штyki.

Зевал я безудержно, глухо —
Мазурки, балы, кивера...
Терзало усталое ухо
Аккордов и слов мишура.

Что им до парадных регалий,
До ментиков через плечо?
Но выдержан точно регламент —
И час, и другой, и еще...

А я той заемной истомой
Ни жить, ни страдать не желал.
Плевал я с подножки вагона
И с полки на это плевал.

Дороже мне собственный парус.
Своя — пусть знобящая — кровь.
И ветер! И выбор! И ярость!
Своя — но живая! — любовь.

И мне не забыть, не забыться
Под громкие крики «ура»,
Что в жизни есть люди и птицы
И пыточных дел мастера.

И время летит нестерпимо!..
Я в синее небо гляжу,
Не зная — огнем или дымом
В него я сейчас ухочу.

ПО МЕРЕ УЗНАВАНИЯ

I
Амнистия листьям,
Прикованным к веткам.
Амнистия мыслям,
Спокойным и ветхим.
Кружи, золотая метель!
И если нам выпало счастье
В родные места возвращаться,
То не было в жизни потерь.

И если нам выпало право
Судить величаво и здраво
О времени и о себе,
То было пусть горько и больно,
Но было высоко-достойно
В твоей и в державной судьбе.

А время — оно подытожит,
Оно имена перемножит
И имя

— одно! —

назовет.

И как же тут сердцу не биться,
Как втайне собой не гордиться,
Когда это имя — народ!

Который и сеет, и пашет,
И слово последнее скажет,
И выстроит Спас на Крови.
И в новые впишет преданья,
Что нет нам пределов в страданье
И нет нам пределов в любви!

2

Иль счастье завтра пребудет,
Иль горе подступит к душе,
Но честные линии судеб
За всё расплатились уже.

На нас это время пахало!
И нами столбило межу.
И если вам этого мало,
Ни слова я вам не скажу.

Но нет в нас тоскливой тревоги,
Есть только осмысленный взгляд:
Не будет туда нам дороги,
Где наши надежды вопят...

Вот мы, в порыжелых обутках,
На жутком своем рубеже,
Но черные дыры в желудках —
Не черные камни в душе!

Фото Владимира Воробьева. Люковой на площадке. Коксовый цех КМК. Новокузнецк. 1980 г.

Фото Владимира Воробьева

Чиновник в детском саду. Поселок Тисуль. Кузбасс. 1985 г.